

ИСКУССТВО ВЛАСТИ ВЕЛИКИЕ ПРАВИТЕЛИ МИРА

Удивительнейшая фигура — царь Иван IV Васильевич, прозванный Грозным. Сохранение независимости страны, оформившейся при его царствовании как централизованное государство европейского типа; покорение врагов, веками терзавших набегамии окраины России; присоединение огромных сибирских территорий; развитие торговли; дипломатические удачи — таким итогам правления впору позавидовать любому государю.

Один из самых образованных людей своего времени, эрудит с феноменальной памятью, любитель чтения, духовный писатель, всемерно развивавший книгопечатание, блистательный оратор... и вместе с тем — кровавый тиран, ввергший страну в смертельный вихрь тотального террора; полоумный изверг, своими руками убивший собственного сына и наслаждавшийся созерцанием изощренных пыток; развратник, хваставший, что «растлил тысячи дев»...

Сколько еще таких качеств со знаком «минус»? И это — великий правитель? Пусть идеальные государи — это всего лишь выдумки придворных историков. Пусть Иван Грозный — человек своей эпохи, когда господин мог казнить и миловать подданных исключительно по своему капризу. Пусть и другие его современники — знаменитые европейские монархи — тысячами сжигали несчастных подданных, обвиненных в ереси или колдовстве, на центральных площадях городов.

Вот только оправдывает ли это Ивана IV Васильевича — первого царя «всёя Руси»?

Однако прошлое не нуждается в оправданиях, по отношению к нему возможно только понимание.

*Прошлое надо знать таким, каким оно состоялось.
Чтобы помнить — и никогда не повторять...*

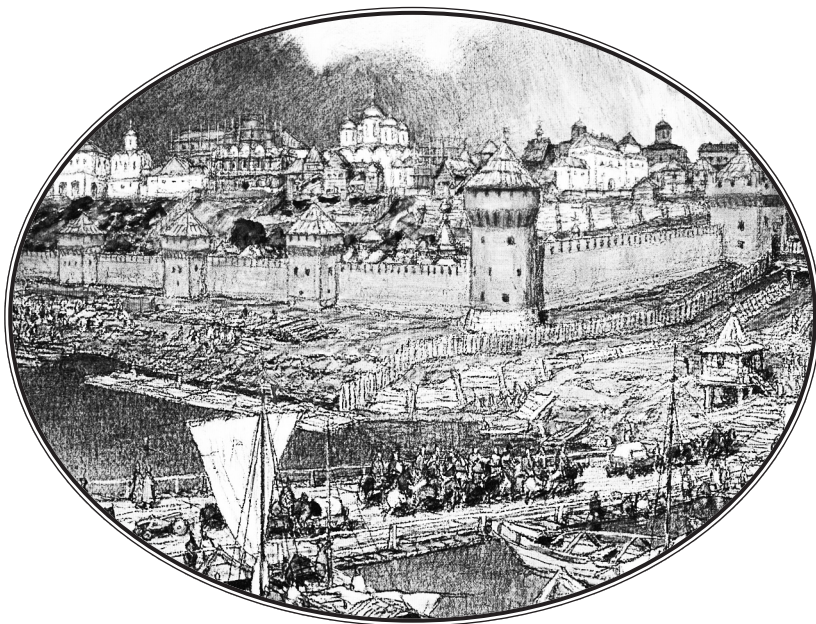

ИОАНН ІV ВАСИЛЬЕВИЧ
(1530—1584)

ИВАН IV ГРОЗНЫЙ
КАНОН АНГЕЛУ
ГРОЗНОМУ

Иллюстрированное издание

Москва
2026

Евгений Соловьев

ИОАНН ГРОЗНЫЙ.
ЕГО ЖИЗНЬ
И ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ГЛАВА I

Московская традиция. Детство и юность Иоанна Грозного

«Гений — оригинален. В оригинальности скрывается тайна его влияния, его успехов, его заслуг перед человечеством. Нет гения, который не развертывал бы нового знамени, нет гениальной деятельности, не указавшей новых путей. Оригинальность и традиция — вот две вечно борющиеся друг с другом силы, и различные перипетии этой борьбы составляют главнейшее содержание истории».

Я нарочно начал этой цитатой биографию Иоанна Грозного. Ожесточенные споры происходят еще о величии и ничтожестве Грозного как личности и как государя. «Предшественник Петра Великого, предвосхитивший планы преобразователя на целых сто пятьдесят лет» — таков Иоанн для одних. «Мелкая душа, подьяческий ум» — таков Иоанн для других. Где же истина? Привыкший к робким точкам зрения, читатель, наверное, подумает, что «истина в середине». Срединка — нечто спасительное, безопасное, вроде спокойной бухты, куда так приятно въехать после «бурного плаванья по волнам исторического исследования». Мне думается, однако, что срединная точка зрения мало приложима к характеристике Грозного. Как бы ни судили мы его, он, несомненно, яркая и резко очерченная личность, которую очень трудно усадить сразу на двух стульях. Но «яркость и резкость» еще не означают величия.

Чтобы быть великим, надо быть оригинальным. Был ли таким Грозный в своей государственной деятельности?

Разумеется, вся наша биография должна служить ответом на этот вопрос. Но есть возможность в самом начале подготовить его разрешение. Для этого прежде всего необходимо определить традиции Московского государства, а затем уже сам читатель легко увидит, как далеко отошел от них Грозный и что нового внес он в жизнь.

Венчание Василия III Иоанновича и Елены Глинской.
Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Московская Русь сложилась и оформилась уже в княжение Ивана III. Сын его Василий мало прибавил к делу отца и, уничтожив вольность Пскова, он лишь завершил давно начатую и в главном законченную уже борьбу с вольностью вообще. Иван III и Василий — уже государи в полном значении этого слова, самодержцы. Эпоха их правления создала и как нельзя яснее сформулировала устои Московской Руси.

Нам надо посмотреть на эти устои. Первым важнейшим устоем является великокняжеская власть, гордая, абсолютная, не знавшая никаких стеснений и ограничений. Все иностранцы в один голос утверждают, что московские монархи превосходят своею властью всех правителей Европы, кроме только турецкого султана. Возросши под охраной и даже прямо под покровительством татарских ханов, великокняжеская власть сосредоточила постепенно в себе весь ореол, всю безмерность власти ханской. Сначала скромная, как бы

скрывающаяся, она уже при Иване III начинает окружать себя придворным блеском и этикетом. Это не мысль, это внешнее выражение процесса развития абсолютизма. Появляется обычай «целования княжеской руки», учреждаются придворные должности, до той поры неизвестные. Великий князь — центр, глава и представитель всего государства, а не только своего удела, как раньше. Он действует за всю Русь, отвечает за ее счастье и несчастье, ведет народную жизнь по тому пути, который кажется ему наилучшим. Удельные князья закончили свое самостоятельное существование уже при Иване III. Та же участь постигла и Великий Новгород с его вечем и духом народовластной старины. При Василии отвезли в Москву вечевого колокол Пскова.

Во что обратилась дружина? Собственно говоря, в Московском государстве никакой выдающейся роли она не играла. Иван Калита и его потомки не были воителями, не любили войн и походов, храбростью и мужеством не отличались и держали себя скромно и тихо, как князья-помещики, князья-хозяева. Войнам они предпочитали дипломатические переговоры, покупку, иногда предательства. Их заботой было сосредоточить в своих руках как можно больше земель и денег.

Дружина возле них неминуемо должна была утратить свой воинственный характер, так как условия жизни не благоприятствовали развитию доблести и мужества. Но дружина, особенно старшая — боярство, не только воевала, раньше она играла еще роль княжеского советника. Эту роль она играла и в Москве. Но уже в XV веке князья значительно сузили ее. Иван III больше советовался со своей женой и дьяками, чем с боярами; сын его выказывал к советам бояр обидное пренебрежение. При нем дела решались в стороне от думы.

Все приведенные факты приобретут в наших глазах особенную ценность, если мы припомним, как медленно и постепенно входили они в жизнь. Принципы дома Калиты не поражают нас ни глубиной, ни широтой своего размаха, а скорее даже узостью. Но в конце концов они восторжествовали над всеми остальными. Случайности истории много виноваты в этом, но еще больше виновата та настойчивость и упорство, с какой князья пользовались всяким удобным случаем, чтобы расширить свою власть и пределы.

Иван Калита
(1283—1340).

Фреска Грановитой палаты
Московского Кремля

Традиция крепла, а в XV веке торжествовала уже. Иван Калита, его личность и политика — прототип московских князей вплоть до самого Грозного. Ничего великого, выдающегося, ничего блестящего. Природа поскупилась на краски, создавая этого князя-хозяина и князя-помещика, скупого, медленного, хитрого, неуклонно стремящегося к поставленной цели. О невозможном он не мечтал, как не мечтал о геройских подвигах и славе. Каждая копейка у него на счету. Что приобретено им, приобретено навеки. Как настоящий практик, человек маленькой действительности, он пользуется всякой ошибкой ближнего, идет на унижения, когда это нужно, неумолим и непреклонен, раз сила на его стороне. Его борьба с тверским князем не только не говорит нам о благородстве его души, а прямо наоборот. Зато дипломатической тонкости сколько угодно. Бедный Александр и не заметил, как ловко расставили вокруг него сети и как неожиданно и безысходно попался он в них.

Рождение Ивана Грозного.

Миниатюра из Лицевого летописного свода. XVI в.

Все московские Иваны и Василии похожи на своего предка. В общем и Грозный похож на него, но греческая и латинская кровь, текшая в его жилах, наградила его более горячим и страстным воображением.

Московская традиция носит на себе ясный отпечаток характера московских князей. «Поместье» Калиты разрослось и стало государством, но во главе государства встали те же расчетливые, скопидомные хозяева, которые раньше заправляли поместьем. Не станет же хозяин терпеть, чтобы кто-нибудь вмешивался в его распоряжения. Не станет терпеть этого и государь Московский. Когда нужно, он пользуется и боярским советом, и симпатиями духовенства, но только когда это нужно. Вообще же он предпочитает действовать совершенно самостоятельно.

Полнота самостоятельности возможна лишь при всеобщем нивелировании, уравнивании. К этому и сводится московская традиция.

Абсолютная власть при своем возникновении прежде всего должна была встретить противодействие со стороны местных элементов — удельных князей, веча, дружин. В каждом монастыре был свой устав, освященный веками. Новый устав, вволившийся московскими князьями, далеко не всегда согласовывался с прежними. Припомним хотя бы борьбу с Новгородом.

Московские князья, распространяя на всю Россию принципы, которыми управлялось их маленькое поместье, по необходимости нивелировали. Они старательно уничтожали все местные уставы, все местные особенности. Для этого они пользовались, между прочим, одним характерным приемом — переселением. Оттуда, где местный дух был особенно силен и упорен, они выводили десятки и сотни семейств в Москву, а москвичей перемещали на новые места. Москвичи — люди, уже привыкшие к дисциплине, опасаться их нечего, а переселенцы, находясь под постоянным хозяйским глазом, одинаково не позволят себе чего-нибудь лишнего.

Таким медленным и верным путем были уничтожены все местные уставы. Вече исчезло, дружина обратилась в придворных слуг, во всем зависевших от личного распоряжения князя. Сам князь и его власть поднялись на недостижимую высоту, и величие этой власти бросалось в глаза каждому, ибо вокруг было ровное поле.

Иван III уже настойчиво выдвигает на сцену мизинных людей. Василий III прямо предпочитает их боярам. Что же, они были демократами? По-моему, несколько. Мизинные люди, во всем ему обязанные, во всем от него зависевшие, без воспоминаний о прошлом, всего лучше поддавались дисциплине. Каких бы то ни было протестов и претензий ждать от них было нечего. Стремясь к абсолютизму и сразу постигнув, что он может восторжествовать лишь при отсутствии больших и малых, слабых и сильных, московские князья ни одному сословию не давали подняться выше другого. Они боролись против всякой вольности — боярской, вольности духовенства, одной властью своей заменяли всякую власть, единым законом — разнообразие местных обычаев.

На ровном поле Руси высоко поднимался великокняжеский дворец уже задолго до Иоанна IV.

Незаметно для самого Грозного московская традиция руководила им. Но эта традиция, преломившись через призму его больного мозга, приняла

и болезненную форму. Молчаливая и покорная стояла дружина у трона его отца и деда, но Грозный продолжал преследовать ее с необузданной жестокостью. Давно уже пал Великий Новгород. Грозный захотел стереть его с лица земли.

Он добился своего. Всю жизнь, все свои силы потратил он на то, чтобы доставить полное торжество московской традиции. Где же новые мехи, новое вино? Их нет. Тени прежних московских князей носятся над эпохой Грозного, вдохновляют его, указывают путь, по которому он идет слепо, не спрашивая даже себя, да нужно ли с таким ожесточением ломиться в давно уже открытую дверь?

«Боярство — мой враг» — это его излюбленная фраза. Но с одинаковым ожесточением набрасывается он и на народ, и на духовенство, когда замечает или когда ему кажется, что он замечает в них попытку приподнять свою голову с ровного поля, давно уже усеянного мертвыми костями прежних вольностей.

«Всякая вольность — враг мой... Боярство — мой враг по преимуществу» — это специальное добавление Грозного, сделанное им по воспоминаниям детства.

Это детство общеизвестно, и я не имею ни малейшего желания подробно останавливаться на нем.

Грозному было несколько месяцев, когда умер его отец, и с небольшим три года, когда умерла или была отравлена его мать — Елена Глинская, супруга Василия III. Ребенок остался без надзора и руководства. Все делалось

**Клавдий Лебедев. Василий III, великий князь Московский,
вводит во дворец невесту свою, Елену Глинскую.**

1915 г.

его именем, все могло делаться его именем. Это было соблазнительно для честолюбцев. И честолюбие открытое, наглое, безудержное разыгралось вокруг трона, по блеску и обаянию власти своей равного лишь трону восточных деспотов.

После переворота, низвергнувшего Елену и ее любимца Телепнева, власть перешла в руки Василия Шуйского. Ослепленный гордостью, он хотел утвердить себя на высшей ступени свойством с государем и, будучи вдовцом лет 50-ти, женился на сестре Иоанновой, Анастасии, дочери Петра, казанского царевича. Иван Бельский попробовал свергнуть его, но неудачно, и от тирании Шуйского спасла Россию лишь смерть его. Его место занял тоже Шуйский, но Иван, про которого сам Грозный пишет впоследствии Курбскому: «От юности единое воспомяну: нам бо в юности детства играюще, а князь Ив. Вас. Шуйский сидит на лаве, локтем опершись отца нашего о постелю, ногу положив к нам... И таковой гордыни кто может понести?.. А казну деда и отца нашего бесчисленную себе поимаша, и в той нашей казне исковаша себе сосуди златы и серебряны, и имена на них родителей своих подписаша; а всем людем ведомо, при матери нашей у князя Ив. Шуйского шуба была мухояр* зелен на куницах, да и те ветхи: коли бы то их было старина, ино лучше бы шуба переменит».

Иван Шуйский был груб, спесив, деспотичен. Корыстолюбие его несомненно, с государственной и царской казной он не стеснялся, еще меньше стеснялись его клеветы. Так, боярин А. М. Шуйский и князь Оболенский, будучи наместниками в Пскове, свирепствовали как львы, по выражению современников; не только угнетали земледельцев и граждан незаконными налогами, вымышляли преступления, ободряли правых доносителей, но и грабили самые монастыри. Жители пригородов не смели ездить в Псков; многие бежали в чужие земли.

Партия Шуйских была свергнута партией Бельских ненадолго, однако до следующего заговора. А он себя ждать не заставил. Иван Шуйский опять захватил власть в свои руки.

Такова фактическая сторона дела вплоть до 1543 года, когда Грозному исполнилось уже 13 лет.

Что делал Грозный все это время? Быть может, история и осветит когда-нибудь юношеские годы его царствования, нам же остается лишь догадываться, опираясь на немногие, к счастью, несомненные факты.

Грозный рано стал пристально всматриваться в окружающее и понимать его. Многие факты этих детских лет навеки запали в его душу, и ничто не могло искоренить их оттуда. Через 20 лет он вспоминает наглость Шуйского, развалившегося на кровати отца. Очевидно, эта наглость глубоко обидела его. Не было недостатка и в окружающих, которые постоянно нашептывали Иоанну про величие власти его, про ее унижение. Эти нашептывания падали на подготовленную почву. Наследственное властолюбие проявлялось уже и в ребенке; его быстрый, деятельный ум прекрасно подмечал те противоречия, которыми так богато его детство. Все делается его именем, все выказывают полную покорность

---

* Мухояр — бухарская пестрая ткань из смеси льна, шерсти, реже хлопка, окрашивавшихся в пряже. (Примеч. ред.).

ему, а между тем сам он лично ничего не знает. Это мучило и обижало его. Он читал книги, где говорилось о величии царской власти, читал запоем, страстно выискивая в них аргументы в защиту своих прав. Он находил эти аргументы и в книгах, и в речах таких царедворцев, как Бельский.

До поры до времени он по необходимости должен был молчать и смиряться. Обстоятельства были против него и на стороне Шуйских. Заговор Бельского не удался: человек, которого он считал своим другом, опять очутился в темнице.

Шуйские торжествовали в Москве, где у них была большая партия, в провинции, которой они управляли через своих клеветников. Их торжество было, повторяю, спесивым и наглым, бесконечно оскорбительным для тщеславной натуры Иоанна. Знаменитая формула: «бояре — мои враги по преимуществу» не могла не сложиться в этой странной обстановке.

Мне думается, что у нас нет основания совершенно отрицать политические претензии бояр, но эти претензии скрывались скорее в отдельных честолюбивых личностях, чем в классе. Сущность всех только что рассказанных перипетий очень недурно выражается поговоркой: «кто палку взял, тот и капрал». Такими капралами были то Шуйские, то Бельский, смотря по удаче, и каждый из них, взявши палку, немедленно же разыгрывал из себя самодержца, продолжая этим самым традицию московского абсолютизма. Но мы не знаем ни одной попытки закрепить за жизнью боярские политические претензии и создать для них устои в новых формах государственной жизни. Есть смутное известие, будто известная часть боярства имела политическую программу и мечтала править Русью вместе с царем, совещаясь в то же время со «всенародными человеками», т. е. выборными всей земли. Известие это, однако, настолько смутно, что положиться на него нельзя. Оставив же его в стороне, мы увидим, что боярства как класса не было; перед нами служилое сословие, а не аристократия, отдельные честолюбивые личности, а не предводители партии. Эти честолюбцы были проникнуты родовыми, а не сословными симпатиями и, добившись власти, немедленно выдвигали на сцену всю жадную компанию своих родичей, награждая их доходными местами и т. д. По одушевлявшему ее узкоэгоистическому принципу эпоха боярского правления не могла внести в жизнь России ни одного нового элемента, и, достигнув совершеннолетия, Иоанн увидел перед собою ту же прежнюю Русь, созданную отцом его и дедом, разграбленную и истощенную, но готовую беспрекословно идти, куда ей будет указано свыше.

В 1543 году наглость Шуйских достигла своего предела. Ненавидя нового любимца Иоаннова — князя Воронцова, они в один несчастный для них день дерзко ворвались в покои государя, набросились на Воронцова, выволокли его в другую комнату, били, мучили и хотели даже умертвить. Царь просил митрополита спасти любимца, и Шуйские согласились из милости оставить ему жизнь, но все же отправили его в ссылку. Изображая наглость вельмож, летописец рассказывает, что один из их клеветников, Фома Головин, в споре с митрополитом, наступив на его мантию, изорвал ее в знак презрения. Но все эти безобразия и делали развязку близкой. Иоанну исполнилось уже тринадцать лет, в нем говорила уже гордость, сознание собственного достоинства и величия. Шуйские на свою голову приучили его к полной невоздержанности и поощряли все дурные проявления наследственности. В тринадцатилетнем Иоанне уже сказывался будущий Грозный, в меньшем масштабе, разумеется. Например,

любя охоту, он любил не только убивать диких зверей, но и мучил домашних, бросая их с высокого крыльца на землю. А бояре говорили: «пусть державный тешится». Окружив «державного» толпою сверстников, они смеялись, когда он скакал по улицам и давил прохожих, испуская дикие крики. Бояре хвалили в нем смелость и мужество, проворство. Поупражнявшись таким образом, Иоанн, подчиняясь советам родственников своих по матери, Глинских, толковавших ему, что он — царь, а Шуйские — узурпаторы, наконец проявил свой гнев и свою самостоятельность. Неожиданно после рождественских праздников 1543 года созвал он к себе бояр и впервые явился перед ними «повелительным, грозным». С твердостью объявил он им, что они, употребляя во зло юность его, беззаконствуют, самовольно убивают людей и грабят землю, что многие из них виновны, но что он казнит лишь главаря и зачинщика — князя Андрея Шуйского. Его взяли и предали в жертву псам, которые тут же на улице и растерзали его. «С того времени бояре начали иметь страх от государя»; во главе же правления стали Глинские, отчего положение дел несколько не изменилось к лучшему.

Прежде всего, разумеется, расправились с Шуйскими и со всеми, кто был предан им или пользовался их расположением. Преследуя врагов своих, Глинские выказали большую жестокость и ни малейшего государственного смысла. Царь же по-прежнему предавался своим развлечениям, среди которых не по дням, а по часам росли его необузданность и жестокость. Глинские не только не удерживали его, но и поощряли всякое проявление разврата и злой воли. Юноша-царь не признавал сострадания и милости, и в эти годы он является перед нами порывистым и гневным, неспособным сдерживать себя ни на йоту, разве из страха. Однажды он, выехав по обыкновению на звериную ловлю, был остановлен пятьюдесятью новгородскими пищальниками, которые хотели принести ему какую-то жалобу. Иоанн не слушал их, а велел дворянам разогнать их. Новгородцы противились, началась битва, которая и послужила достаточным основанием для расследования примерещившегося царю заговора. Последовали пытки и казни. Еще характерен следующий эпизод, относящийся, правда, к позднему времени. Из него видно, как занимался царь делами.

«Граждане псковские, последние из присоединенных к самодержавию и смелейшие других (весною в 1547 году), жаловались новому царю на своего наместника, князя Турунтая-Пронского, угодника Глинских. Иоанн был тогда в селе Островке: семьдесят челобитчиков стояло перед ним с обвинениями и с уликами. Государь не выслушал, закипел гневом; кричал, топал; лил на них горящее вино; палил им бороды и волосы; велел их раздеть и положить на землю. Они ждали смерти. В сию минуту донесли Иоанну о падении большого колокола в Москве; он ускакал в столицу, и бедные псковитяне остались живы».

Но мы нарушили хронологическую последовательность рассказа. Нам надо вернуться назад и рассказать об одном из крупных событий XVI века — венчании Иоанна на царство. Кому принадлежала инициатива в этом деле? Едва ли духовенству, едва ли боярам, хотя, быть может, духовенство, пропитанное своими византийскими взглядами, и причастно несколько к этому. Никто, однако, не мешает нам допустить, что главным инициатором в этом случае был сам Иоанн. Он любил парады, пышность, торжественность, любил показывать себя многочисленной толпе, всякий блеск привлекал его. В прочитанных им книгах он, наверное, не раз встречал описания царских и императорских венчаний.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Соловьев.

Иоанн Грозный. Его жизнь и государственная деятельность

Глава I. Московская традиция. Детство и юность Иоанна Грозного	7
Глава II. Перемена в Иоанне. Сильвестр и Адашев. Счастливые 13 лет царствования Иоанна IV.....	18
Глава III. Опричнина и земщина	34
Глава IV. Последние годы	72
Заключение	82

Иоанн IV Грозный.

Царские послания

Первое послание Курбскому (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	91
Послание английской королеве Елизавете (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>).....	162
Первое послание шведскому королю Иоганну III (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	171
Второе послание шведскому королю Иоганну III (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	178
Послание в Кирилло-Белозерский монастырь (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)... ..	198
Послание Василию Грязному (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	218
Послание Симеону Бекбулатовичу (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>).....	222
Послание Полубенскому (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	225
Послание Яну Ходкевичу (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>).....	236
Второе послание Курбскому (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>).....	241
Послание Тетерину (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	246
Послание польскому королю Стефану Баторию (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	248
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Д. Бельского (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	277
Послание Григорию Ходкевичу от имени И. Д. Бельского (<i>перевод и комментарии Я. С. Лурье</i>)	284

Послание Сигизмунду II Августу от имени И. Ф. Мстиславского (перевод и комментарии Я. С. Лурье)	286
Послание Сигизмунду II Августу от имени М. И. Воротынского (перевод и комментарии Я. С. Лурье)	289
Послание Г. Ходкевичу от имени М. И. Воротынского (перевод и комментарии Я. С. Лурье)	295
Послание Сигизмунду II Августу от имени И. П. Федорова (перевод и комментарии Я. С. Лурье)	303
Послание Григорию Ходкевичу от имени И. П. Федорова (перевод и комментарии Я. С. Лурье)	305
Ответ Яну Роките (перевод и комментарии С. В. Бабанина)	308

Иоанн IV Грозный.

Гимнографическое творчество

(Перевод и комментарии С. В. Бабанина)

Канон Ангелу Грозному, воеводе и хранителю всех людей, посланному от Вседержителя Бога по все души человеческие	366
Молитва к Господу нашему Иисусу Христу, к святому архангелу Михаилу	377
Стихиры митрополиту Петру	380
Стихиры Сретению Владимирской иконы Божией Матери	386
Тропарь и кондак на перенесение честных мощей святых мучеников и исповедников благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора чудотворцев	390
Молитва Божией матери и святителю Петру, митрополиту Московскому и всея Руси чудотворцу об избавлении от безбожных агарян	393
Молитва о поможении православному христианству от безбожных и злых изменников казанских татар	396
Моление царское во время Божественной литургии перед взятием Казани	397
Хвала Богу после взятия Казанского царства	398

Приложение I

Уголовные законы царя и великого князя Иоанна IV Васильевича	
Предисловие издателя	401
Устав о разбойных и татинных делах	404

Приложение II

Царь Иван Васильевич Грозный (глава из книги Н. И. Костомарова «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей»)	419
--	-----

